

**К 40-ЛЕТИЮ
ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН
И 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Б.Ф. ЛОМОВА**

РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ СУБЪЕКТА И СУБЪЕКТ РАЗВИТИЯ

© 2012 г. **Е. А. Сергиенко**

*Доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии развития,
Учреждение Российской академии наук Институт психологии РАН, Москва*

Подводятся итоги работы лаборатории психологии развития за последние пять лет. Анализируются теоретические разработки лаборатории: системно-субъектный подход и психология человеческого бытия как варианты развития субъектной парадигмы в психологии. Экспериментальные исследования обобщаются с позиций верификации и коррекции теоретических подходов. Обсуждается соответствие теоретических подходов, разрабатываемых в лаборатории, постнеклассическому этапу развития психологии.

Ключевые слова: субъект, личность, системно-субъектный подход, психология человеческого бытия, функции субъекта, уровни развития субъектности, понимание, контроль поведения.

В предыдущей юбилейной статье, посвященной 35-летию Института психологии РАН, только ставился вопрос о разработке психологии субъекта. Сегодня можно говорить о существенном продвижении и обосновании двух вариантов психологии субъекта: системно-субъектном подходе [23, 25, 30] и психологии человеческого бытия [6, 11].

Сорокалетний юбилей Института психологии РАН – совершенно не большой срок для становления собственной научной школы. Однако за эти годы усилиями как старшего, так и молодого поколения осуществляется “сплав” научных направлений, заданных С.Л. Рубинштейном, А.В. Брушлинским, Б.Ф. Ломовым, П.К. Анохиным и их последователями. В этом теоретико-методологическом “котле” кристаллизуется современная психологическая школа, в которой вместо моноидеи или монопарадигмы оформляются черты полипарадигмальности и междисциплинарности, системности и субъектности, рациональной логики и интуиции – черты науки постнеклассического этапа развития. Кроме того, хотя главной задачей Института психологии РАН является решение фундаментальных научных проблем, фундаментальная направленность сочетается с удовлетворением самых актуальных запросов современного общества.

Свой вклад в данный процесс научного развития вносит наша лаборатория, ориентированная

на разработку психологии субъекта, применяя принцип развития как основной.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАБОТА ЛАБОРАТОРИИ

В поисках целостного современного подхода к исследованию человека для психологии может стать *психология субъекта*. В лаборатории разрабатываются два варианта психологии субъекта: системно-субъектный подход и психология человеческого бытия.

Системно-субъектный подход был описан в работах автора [23, 30]. Кратко напомним его основные идеи. Системно-субъектный подход отражает преемственность с системным (Б.Ф. Ломов) и субъектно-деятельностным подходом (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский), в то же время являясь новым этапом в разработке психологии субъекта. Проведенное сравнение показывает, что многие ключевые проблемы современной психологии имеют общие, близкие решения как в системно-эволюционном (и теории динамических систем), так и субъектно-деятельностном подходе [25, 30]. Это положение об имманентной динамике психического и динамике систем; единая, но качественно различная уровневая (стадиальная) организация человеческой психики, ее развития; идеи неразрывности биосоциальной природы человека: “внешнее через внутреннее”, саморазвитие, самоорганиза-

ция в процессе деятельности (принцип самодеятельности); целостный, интегративный характер субъекта, системной организации его психики. Подобная общность позволяет объединить имеющиеся подходы, что означает не просто соединение, а создание новой парадигмы, вносящей иные аспекты в изучение человека, которые в рамках объединяемых подходов оставались на периферии. Так, в системном подходе и его вариантах (системно-эволюционном, теории динамических систем) не остается места субъекту как активному и пристрастному “деятелю” собственного бытия, собственной деятельности, активности, нет места интегративной индивидуальности, которая обеспечивает целостное поведение человека и его индивидуальные варианты адаптации к внешним условиям бытия. В субъектно-деятельностном подходе проблемным остается анализ внутренних условий самой деятельности, “размытость” внутренней психической организации, отсутствие представления о структуре этой организации. Перечисленные слабые стороны обоих подходов привели к необходимости их объединения, что дает, на наш взгляд, преимущества на пути целостного изучения человека.

С данных позиций развивается положение о функциях субъекта: понимание (когнитивная функция), контроль поведения (регулятивная функция) и субъект-субъектная или субъект-объектная коммуникация (коммуникативная функция).

С позиций данного подхода разрабатывается соотношение категорий “субъект” и “личность”. Предлагается представление о структурной организации психики человека как континууме взаимодействия содержательного ядра (личности) и интегративной индивидуальности субъекта, осуществляющего выполнение задач разного уровня.

Континуально-генетический принцип применен к субъектогенезу. Предполагается непрерывное развитие человека как субъекта, от protoуровней к акмеологическим уровням. Такое решение позволяет снять вопрос о возникновении субъекта и его критериях. Критерии субъекта, выделенные другими авторами (Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова, А.Г. Асмолов, А.В. Брушлинский, А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, А.В. Петровский и др.), не являются противоречивыми, а относятся к разным уровням организации субъекта. Выделенные ранние стадии развития субъектности требуют дальнейшей разработки представлений об уровне непрерывном развитии субъектности человека, что осуществляется в работах нашей лаборатории.

Говоря о *перспективах* субъектного подхода в психологии, можно выделить несколько основных направлений. Перспективность субъектного подхода означает стремление к целостному изучению человека, к переходу от психологии психических процессов к *субъектной психологии*, что потребует значительных усилий и времени, поскольку эта задача чрезвычайно сложна (что неоднократно подчеркивал А.В. Брушлинский [1]). Выделенная триада метауровневой организации и реализации субъекта: субъект жизни, субъект развития, субъект деятельности [30] – требует теоретической и экспериментальной разработок, конкретизации соотношения данных метауровней, описания их критериев и особенностей.

Перспективной и необходимой задачей в рамках данного подхода является разграничение, спецификация и уточнение соотношения субъект–личность. Одна из возможностей на этом пути – изучение *субъективного возраста* человека, который, с одной стороны, отражает личностные установки, атрибуты и ценностно-смысловые ориентации, а с другой – индивидуально-специфические ресурсы психической и психофизиологической организации, составляющие уникальность субъекта [32].

В условиях преимущественного анализа трех модусов существования субъекта (жизни, развития и деятельности) осталась в тени проблема *субъекта познания*, имеющая длительную историю изучения в рамках философии. Однако данная проблема может быть рассмотрена в новом ракурсе на основе развития представлений о психологии субъекта. Фактически речь идет об изменении акцентов в анализе особенностей познания. Если в классическом варианте в фокусе исследований были рациональные знания и законы причинности, то в соответствии с субъектным подходом важнее становится *понимание и интерпретация* окружения, где не всегда законы рациональности имеют силу. Например, убеждения и мнения, понимание интенций и желаний означают иной ракурс рассмотрения ментальных моделей, порождаемых субъектом. В основе понимания мира лежит процесс ментализации событий и их моделирование, при этом необходимо отличать собственные модели от моделей других людей.

В.В. Знаков основные усилия направил на теоретическую и эмпирическую разработку *психологии человеческого бытия* как новой области психологического знания [6, 7, 9, 11]. Анализ и обоснование данного направления будут представлены в статье В.В. Знакова. Здесь кратко приведем лишь самые общие положения его подхода.

Человеческое бытие рассматривается с трех точек зрения: 1) как такое единичное, в котором потенциально воплощено общечеловеческое и которое порождается в межсубъектном пространстве; 2) как многомерный мир, разные уровни действительности, соотносённые со способами существования людей; 3) как такое экзистенциальное образование, в котором главную роль играют ценностно-смысловые составляющие человеческой жизни [7]. Автор проанализировал три существенные характеристики человеческого бытия. *Первая* особенность состоит в том, что человеческое бытие нельзя рассматривать как индивидуальный жизненный путь: это совокупность психологических реальностей, возникающих внутри разных ситуаций в точках пересечения взаимодействий индивидуальных и групповых субъектов. *Вторая* характеристика человеческого бытия следует из многомерности мира, наличия разных уровней действительности, соотносённых со способами существования людей. Наличие принципиально разных типов действительности и объективных ситуаций человеческого бытия отражено в трех наиболее заметных традициях исследования психики – когнитивной, герменевтической и экзистенциальной. Каждой из них соответствует определенный тип понимания психологом проблем, предмета, методов и результатов исследования: понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение. Трём типам понимания соответствуют оценки истинности, правильности и правдивости высказываний, воспринимаемых людьми в коммуникативных ситуациях [8]. *Третья* характеристика человеческого бытия – его ценностно-смысловая экзистенциальная направленность. Человеку как существу рефлексивному присуща не только обращенность к основаниям своего бытия, но и стремление к оценке, ценностному взгляду на них. Бытие трансформируется, активно изменяется под влиянием ценностей. Основой ценностных предпочтений субъекта обычно становятся не достоверные знания, а чувства и переживания.

Главными источниками психологии человеческого бытия выступают концептуальные представления В. Франкла и А.В. Брушлинского. При сравнении психологии субъекта и психологии человеческого бытия были выделены их *сходство и различие*, которые выражаются в *трех основных моментах*:

1. Психология человеческого бытия является частью психологии субъекта и, следовательно, более узка по содержанию и решаемым задачам. Исследования в этой области психологического познания направлены на анализ смысловых и

ценностных контекстов жизни субъекта, в которых формируются и проявляются его субъектные качества.

2. Психология человеческого бытия основана не на субъектно-деятельностном, а на субъектном подходе в психологии. Очевидно, что жизнь человека нельзя рассматривать только как непрерывную череду сменяющих друг друга деятельностей. Это означает признание того, что в формировании психики большую роль играют недейтельностные по своей природе феномены: общение, переживание, созерцание, постижение и др. Выход за пределы сиюминутного деяния, целенаправленная устремленность на реализацию своего призвания или дела, которому служишь, не только побуждают человека к связыванию воедино прошлого, настоящего и будущего своей жизни, но и способствуют развитию субъектности, формированию и реализации субъектных качеств человека, начиная с младенческого возраста и до старости.

3. Психология человеческого бытия имеет мало общего с психологией деятельности, она изучает преимущественно субъекта развития и субъекта жизни. Об этом свидетельствуют, в частности, уже проведенные исследования: понимания субъектом манипулятивного поведения; половых, гендерных и личностных различий в понимании испытуемыми разного возраста моральной дилеммы и др. Они ориентированы на выявление не процессуально-деятельностных, а результативных составляющих понимания субъектом мира в разные периоды его жизни.

В качестве *предмета* психологии человеческого бытия В.В. Знаков полагает смысловые образования, выражающие ценностное отношение субъекта к миру. Основной акцент делается на анализе ценностных, аксиологических аспектов бытия человека. В мире человека объективно истинные описания и объяснения обязательно включают в себя аксиологические факторы: соотносённость получаемых знаний о мире не только со средствами познавательной деятельности, но и с ценностно окрашенными представлениями субъекта о должном. При таком понимании предмета данного направления происходит *отказ* от исследования психических процессов или свойств (познание, эмоции, переживания и т.п.), а именно процессы и свойства были предметом классического этапа развития науки.

В рамках этой парадигмы психологами признается безусловная необходимость приоритетного изучения не отдельных составляющих психики (памяти, мышления, эмоций и т.п.), а целостных единиц. Такими единицами являются события,

ситуации. Имеются в виду ситуации, в которые субъект попадает при взаимодействии с другими людьми и которые отражаются в его внутреннем мире. Рассматривая жизнь человека как череду событий и ситуаций, психология человеческого бытия раскрывает новые источники формирования субъектности человека.

В психологии человеческого бытия используются традиционные методы психологического исследования: опросники, метод микросемантического анализа, методика определения гендерной идентичности и др. Главная цель выбора методик, подходящих для проведения конкретного исследования (например, изучения оптимизма), состоит в том, чтобы их набор давал психологу возможность делать выводы относительно предмета своего исследования, соответствовал задачам работы, отражал субъективные представления о реальности. Наиболее полно и точно такое сочетание выражено в нарративном принципе и тезаурусном подходе к субъектной организации гуманитарного знания [6].

Психология человеческого бытия рассматривает категорию опыта в качестве краеугольного камня субъектного подхода [11]. В.В. Знаков полагает, что в современной психологии происходит становление нового этапа познания, на котором во многих исследованиях ключевую роль начинает играть анализ не сознания, знания и переживания, а интегративного феномена *опыта* – индивидуального и надличностного. Экзистенциальный опыт направляет весь ход жизни человека, осуществляет ценностно-смысловую регуляцию. В экзистенциальном опыте сконцентрировано общее знание субъекта о человеческой природе, фундаментальной прагматике жизни. Понятие индивидуального ментального (умственного) опыта, в котором инвариантно воспроизводятся объективные закономерности отображаемого фрагмента реального мира, тщательно и детально проработано [34]. Определение экзистенциального опыта значительно сложнее. На основе анализа научной литературы В.В. Знаков выделил три составляющих экзистенциального опыта субъекта: тезаурусный, интенциональный и этический компоненты [9]. Опыт оказывается важным и необходимым вследствие ограниченности научных и обыденных знаний, не обладающих потенциальной способностью содержательного определения многих сфер жизни людей. В мире человека есть множество событий и ситуаций, не дающих субъекту возможности не только истинного, но и даже правильного их описания. Субъект может только постичь возникающие проблемы, так как у него нет достоверных знаний и осознанных мнений,

на основании которых можно разрешить неизбежный конфликт моральных и социальных ценностей. Понятие экзистенциального опыта имеет большое значение для психологии человеческого бытия, во-первых, потому, что все относящееся к опыту должно рассматриваться в континууме между субъектом и миром. Во-вторых, экзистенциальный опыт – это то, что нельзя выразить ни в категориях сознания, ни бессознательного: он представляет собой сплав языка как формы общественного сознания и невербализуемой субъектности, унифицированного общего в человеке и его трудно выразимой словами индивидуальности. Вместе с тем опыт играет конституирующую роль в формировании ситуаций и событий – интегративных единиц человеческого бытия.

События и ситуации рассматриваются В.В. Знаковым как единицы анализа психологии человеческого бытия, что использовалось А.В. Брушлинским при макроаналитическом методе изучения познания психического. Во-первых, отличительной особенностью событий и ситуаций является смысловая насыщенность и ценностная значимость для субъекта. Во-вторых, характеристика событий и ситуаций в психологии человеческого бытия связана с невозможностью их описания с помощью логически непротиворечивого и вербально выражаемого знания. Поступок или происшествие становятся для человека субъективно значимыми событиями только в результате осмысления, освоения его на основе экзистенциального опыта. Психологически событие формируется на границе достоверного осознаваемого вербализованного знания и экзистенциального опыта субъекта, включающего тезаурусный, интенциональный и этический компоненты.

Наряду с ситуациями события являются важнейшим предметом исследования в психологии человеческого бытия. Центральное место занимают события, возникающие в критические периоды жизни субъекта, т.е. тогда, когда происходит разрыв привычного существования (при опасной болезни, утрате близких, страхе смерти, принятии жизненно важных решений). Критические события в жизни каждого человека имеют очень значимый субъективный смысл. Из общих теоретических положений психологии человеческого бытия следует, что эмпирическая проверка концепции должна осуществляться при изучении критических событий человеческого бытия.

Изложенные кратко разрабатываемые подходы психологии субъекта (системно-субъектный и психология человеческого бытия), несмотря на особенности и специфику, имеют общее основание и теоретические положения. Во-первых, оба

подхода направлены на поиски интегративной психологии, нацеленной на изучение целостного человека как субъекта психической активности. Во-вторых, оба подхода обращаются к внутреннему миру человека, его опыту – ментальному, экзистенциальному, эмоциональному. В-третьих, для обоих подходов психология субъекта не ограничивается сознанием, а представляет сплав осознаваемого и неосознаваемого понимания мира, где индивидуальное и универсальное (надиндивидуальное) составляют единый континуум. Оба подхода направлены на научное познание житейской психологии, понимание и поведение человека в пространстве его жизни как активного и страстного субъекта. В-четвертых, оба подхода пытаются преодолеть деятельностную парадигму не через отказ от принципа единства сознания и деятельности, а через стремление изучить внутренние психологические механизмы действий и поведения человека в мире, постижение человека как субъекта собственной активности, собственного развития, собственной жизни.

Особенностью психологии человеческого бытия является обращение к экзистенциальному уровню субъекта жизни, тогда как системно-субъектный подход в большей степени нацелен на анализ непрерывности субъектогенеза, особенностей, функций и структуры субъекта в разные этапы жизни.

Варианты психологии субъекта (системно-субъектный подход и психология человеческого бытия) отражают современный постнеклассический этап развития психологической науки. Т.В. Корнилова и С.Д. Смирнов выделяют пять основных методологических принципов современной психологической науки постнеклассического периода: открытость, активность, системность, развитие и неопределенность [16]. Они пишут, обосновывая принцип неопределенности, что он фиксирует «изменение в понимании принципа причинности, а именно пересмотр проблемы построения знаний о мире при включении сознания в единый континуум с бытием и в процессе включения в нее человека как “непрозрачного” Наблюдателя, задающего неопределенность как необходимую составляющую процесса и результатов познания» [16, с. 405]. В логике постнеклассической психологии особое место уделяется расшифровке внутренней логики развития, уникальности человеческой судьбы, сензитивных периодов, взрывов, экзистенциальных поисков, в отличие от неклассической рациональности, в которой основное внимание было направлено на выделение универсальных законов организации психического. Если традиционная психология

обсуждала вопросы биологического и средового детерминизма, а на неклассическом этапе главное место занимал социодетерминизм, то для постнеклассического развития науки на первый план выступают свобода воли, свобода самоопределения и выбора (самодетерминация) субъекта.

Названные принципы современной психологии постнеклассического этапа реализуются в теоретических разработках лаборатории психологии развития. Приведенные концептуальные решения психологии субъекта в рамках системно-субъектного подхода и психологии человеческого бытия отвечают, на наш взгляд, самым современным методологическим тенденциям постнеклассической психологии: парадигмальной толерантности, междисциплинарному дискурсу, герменевтическому стилю мышления, сетевому принципу организации знания, “легализации внутрисубъектного опыта”, ценностям и смыслам субъективного мира. Центральная, системообразующая роль субъекта в конструировании собственного развития, деятельности, жизни, собственного бытия означает самоопределение и выбор (самодетерминацию) человека как субъекта, что предполагает свободу воли, свободу самореализации, экзистенциального решения, характерные для постнеклассического этапа развития науки. “Непрозрачность” человека как субъекта собственного бытия ставит на первый план проблему уникальности внутреннего мира и внутреннего опыта, опосредующих восприятие и постижение мира человеком, выборов и действий в нем.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ РАБОТА ЛАБОРАТОРИИ

В лаборатории проводятся интенсивные экспериментальные исследования, направленные на верификацию и развитие основных положений системно-субъектного подхода и психологии человеческого бытия. Основная задача, решаемая в лаборатории, – показать развитие человека как субъекта на разных уровнях его становления.

Развитие понимания как когнитивная функция субъекта. Одно направление исследований связано с изучением понимания психического на разных этапах онтогенеза, что рассматривается нами как когнитивная субъектная функция. В предыдущие годы был показан непрерывный характер развития модели психического в дошкольном и младшем школьном возрасте [24]. Кроме того, была показана тесная связь между пониманием психического и физического мира у детей [там же]. Исследования последних лет, проведенные

аспиранткой А.В. Найденовой (Хачатуровой) под руководством Е.А. Сергиенко, показали, что условия семейной депривации, которые ограничивают самостоятельность и индивидуальность ребенка, проявляются в особенностях модели психического у детей 5–8 лет. Модель психического характеризуется фрагментарностью, нарушением преемственности между уровнями и локальным развитием способности понимания психических состояний. Так, у типично развивающихся детей в семье отмечается более медленная дифференциация отрицательных эмоций человека, а дети-сироты распознают эмоцию гнева значительно лучше и раньше. Такое локальное опережение в развитии указывает на жизненную необходимость опознания именно гнева как возможной угрозы и опасности в ситуации социального взаимодействия [33].

Предположение о том, что понимание социальных воздействий, сам процесс социализации опираются на ментальные модели (внутренние умственные модели), проверялось в исследовании понимания рекламы у детей 3–6 лет в нашей работе с аспиранткой Н.Н. Талановой [31]. В данном исследовании сравнивалось развитие модели психического (понимание обмана, эмоций) с пониманием нарративов, описывающих ситуации взаимодействия ребенка со значимым Другим (мамой), ребенка с другим ребенком и ребенка с чужим взрослым, а также с пониманием телевизионной рекламы (рекламы детских продуктов и игрушек и социальной рекламы, пропагандирующих ценности семьи и помощи сиротам). Результаты исследования показали, что уровень развития модели психического тесно связан с пониманием рекламных воздействий, при этом социальная реклама доступна только детям 5–6 лет, когда собственные модели психического могут сравниваться с моделями Другого. Кроме того, понимание социальных взаимодействий, описанных нарративами, также сопряжено с пониманием рекламы и развитием модели психического. Следовательно, внутренние ментальные модели мира опосредуют возможности понимания социальных воздействий и взаимодействий.

Еще одним доказательством предположения, что модель психического служит когнитивным внутренним механизмом понимания, выступают исследования уровня развития модели психического и коммуникативной успешности детей дошкольного возраста, выполненные А.Ю. Рачугиной под руководством автора.

Была установлена сопряженность между переменными, оценивающими уровень развития модели психического, и переменными, оцени-

вающими успешность коммуникации. Сопряженность этих результатов свидетельствует о том, что чем лучше у ребенка развиты представления о ментальном мире другого человека и основных законах физического мира, тем более он успешен в использовании понимаемой информации в коммуникации. Дети с высокими показателями понимания ментальности давали более логичные и понятные пересказы с учетом позиции слушателя. Исследование показало, что успешность агента в задаче пересказа ситуации на физическую причинность зависит от его понимания не только законов физического мира, но и ментального мира, т.е. необходимости понимания точки зрения собеседника (другого ребенка) [22].

Понимание психического как познавательной функции субъекта во взрослом возрасте изучалось в нашей работе с аспиранткой Н.И. Колесниковой [19]. Исследование составляющих модели психического (понимание обмана, эмоций, ментальных состояний, способности к манипулятивному поведению) проведено в трех возрастных группах: 17–22, 25–30 и 35–45 лет. Обнаружены качественные изменения в понимании психического Другого на протяжении взрослого возраста. Выявлена неравномерность развития различных составляющих модели психического (понимание эмоций, обмана, базовых ментальных состояний, выраженности манипулятивного поведения) в период взрослости. С возрастом наблюдается изменение отношения к обману: от абсолютного и однозначного к более тонкому и дифференцированному, что обуславливает снижение показателей по пониманию обмана и соотношения понимания обмана высказанного и “по умолчанию”. Субъекты, демонстрирующие понимающее поведение, имеют более высокие показатели по составляющим модели психического: пониманию обмана, эмоций, ментальных состояний, по сравнению с субъектами, проявляющими манипулятивное поведение. Подобная гетерохрония развития различных составляющих модели психического позволяет концептуализировать изменение понимания мира взрослым человеком.

В работе Н.И. Колесниковой также изучалась связь между когнитивной функцией субъекта (пониманием на примере понимания обмана) и личностными характеристиками участников исследования (ценностными ориентациями и стратегиями самоутверждения) [19].

На личностном уровне респондентов с высоким уровнем понимания характеризует открытость изменениям, а респондентов с низким уровнем понимания – консерватизм. Для респондентов с высоким уровнем понимания характер-

на конструктивная стратегия взаимодействия с другими людьми и большая интегрированность разных составляющих модели психического. Это свидетельствует, на наш взгляд, о более целостной субъектной организации респондентов данной группы, что позволяет им осуществлять более адаптивное поведение в межличностных отношениях. Их согласованность и соответствие составляют единый паттерн психической организации человека, позволяющий соединить разные его уровни. Таким образом, наша гипотеза о тесной взаимосвязи личностной (“командной”) и субъектной (“исполнительной”) структур человека получила эмпирическую аргументацию.

Важным для понимания модели психического остается вопрос о соотношении способности к пониманию психического и уровня интеллектуального (психометрического) интеллекта. В работе Е.И. Лебедевой на трех выборках детей (с типичным развитием, атипичным развитием: сниженным интеллектом и расстройствами аутистического спектра) было показано, что развитие модели психического тесно связано с развитием прежде всего вербального интеллекта, что ставит вопрос о важнейшей составляющей понимания психического мира на вербализуемом языке социальных взаимодействий [20].

Понимание человеком мира Других может строиться и на неосознаваемых когнитивных механизмах. В социальной перцепции существуют базовые, слабо осознаваемые или неосознаваемые механизмы, настраивающие и подстраивающие опознавание агента как представителя определенного пола, которому атрибутируются социально-психологические характеристики. В предыдущих исследованиях Е.А. Никитиной было показано, что только на основе восприятия лица даже новорожденных, а также детей, молодых и пожилых людей происходит половая идентификация, не требующая дополнительных маркеров. В настоящее время интенсивно исследуется привлекательность лиц и связанные с таким выбором оценки социально-личностных качеств и здоровья. Психологические исследования показали, что люди склонны приписывать положительные качества привлекательным людям и отрицательные – непривлекательным, считать здоровыми более привлекательных индивидов [21, 35]. Использовались фотографии лиц новорожденных, 7-летних, 20-летних и пожилых людей. Оценка производилась также участниками исследования разных возрастов: от 7 до 51 года. Для иллюстрации положительных качеств респонденты выбирали фотографии более привлекательных людей, чем для иллюстрации отрицательных качеств.

Испытуемые были склонны приписывать более высокие оценки здоровья и положительных качеств изображениям наиболее привлекательных людей. Этот эффект сильнее выражен у испытуемых 20-летнего возраста. Таким образом, в основе понимания социального мира лежат и слабо осознаваемые, и неосознаваемые когнитивные механизмы, опосредующие установки и выборы субъекта.

Контроль поведения как регулятивная функция субъекта. Контроль поведения рассматривается как единая система, включающая три подсистемы регуляции (когнитивный контроль, эмоциональная регуляция, волевой контроль), которые основаны на *ресурсах индивидуальности и интегрируются, создавая индивидуальный паттерн саморегуляции*. Данный конструкт становится индивидуальной основой саморегуляции (см. [28]). Уровень развития этой характеристики определяется уровнем развития человека как субъекта деятельности, отражающей степень интегративности всех его психических особенностей и свойств. Эффективность контроля поведения связана с возможностями реализации психических ресурсов для решения жизненных задач, значимость которых определяется субъектом, им же отбираются осознанно и/или неосознанно стратегии их решения. Соотношение стратегий решения может указывать на профиль контроля поведения, на ресурсы функционирования которого они опираются. Если наши предположения верны, то профиль контроля поведения как своеобразное соотношение когнитивного, эмоционального и волевого компонентов будет определять не только типы стратегий совладания, но и виды предпочитаемых психологических защит.

Высказанные предположения проверялись в циклах исследований.

Цель работы Г.А. Виленской – изучение становления контроля поведения в раннем онтогенезе человека. При сравнении в лонгитюдном исследовании трех групп детей: одиночно рожденных (ОР), моно- (МЗ) и дизиготных (ДЗ) близнецов от 4 мес. до 3.5 года – проводилась оценка динамики составляющих контроля поведения (когнитивного контроля, эмоциональной регуляции и контроля действий). При этом сопоставлялись оценки контроля поведения, сделанные различными методами и на разном уровне анализа: опросник, экспертные оценки, микроанализ поведения (покадровый анализ видеозаписей задач, выполняемых ребенком). Это позволяло проводить взаимную верификацию данных, выявлять гетерохронии в развитии различных уровней контроля поведения (микро- и макроуровня).

Была показана высокая степень соответствия данных, полученных разными методами анализа. Результаты свидетельствуют о том, что процесс развития контроля поведения и формирования его конкретных, ситуативных стратегий в раннем возрасте нелинеен. Существенная реорганизация в системе саморегуляции происходила у ОР детей в 12–18 мес., тогда как в группах близнецов – в 18–24 мес. и была связана с генетико-средовыми факторами. Возрастная динамика развития саморегуляции характеризовалась уменьшением количества неадаптивных, недифференцированных реакций на новую ситуацию и возрастанием возможностей управления своим состоянием с помощью как внутренних, так и внешних ресурсов. С возрастом наблюдалось увеличение количества адаптивных и конструктивных стратегий. Увеличивалась доля проблемно-ориентированного поведения, а в случае ОР детей – и социально-ориентированного, которое ассоциировалось с успешным контролем поведения во всех сферах (когнитивной, эмоциональной, психомоторной). ОР дети значительно более часто и более рано (с 12–18 мес.) начинали использовать социально-ориентированные стратегии (вокализации/речь и поиск поддержки), особенно при высоком уровне развития компонентов контроля поведения. У них раньше отмечалось развитие способности к концентрации внимания. В целом, дети с более высоким уровнем развития отдельных компонентов контроля поведения значимо чаще предпочитали конструктивные, проблемно-ориентированные стратегии, а с низким – эмоционально-ориентированные стратегии и избегание.

Процесс становления контроля поведения имеет двойную детерминацию. С одной стороны, поведение родителей отражает определенный тип темперамента и одновременно способствует его формированию как индивидуального типа адаптации и определенного профиля контроля поведения. С другой стороны, темперамент по-разному “преломляет” родительское отношение: отмечается своеобразная связь стратегий контроля поведения с особенностями родительского отношения у детей с различными типами темперамента. В первую очередь, это касается поведения родителей, требующих от ребенка строгого соблюдения установленных ими правил. На уровне стратегий поведения с таким стилем родительского воспитания были связаны стратегии различной степени адаптивности в зависимости от типа темперамента детей: у “трудных” детей – неадаптивные, в т.ч. избегающие стратегии, у “легких” и стеничных – социально-ориентированные (вокализации/речь, поиск поддержки) [4, 5].

Приведенные данные служат подтверждением того, что контроль поведения является индивидуально-своеобразным способом организации психологических ресурсов, а индивидуальные различия в уровне развития и структуре его связей могут рассматриваться как начальные этапы формирования индивидуальности; ситуативные стратегии контроля поведения на ранних этапах онтогенеза – как предшественники стратегий совладающего поведения.

Принципиально важным теоретическим положением в разработке регулятивной функции субъекта – контроле поведения – было предположение о тесной взаимосвязи данного конструкта с другими психологическими механизмами адаптивного поведения: психологической защитой и совладанием. Пояснением нашего теоретического положения может служить схема соотношения контроля поведения как интегративного индивидуального ресурса и защитных механизмов (см. рис.).

Экспериментальная проверка данного предположения осуществлялась в работе И.И. Ветровой, выполненной под руководством автора настоящей статьи. Исследование было направлено на изучение соотношения совладающего поведения, контроля поведения и психологических защит в подростковом и раннем юношеском возрасте. Принципиальным моментом этого исследования, которое проводилось в течение пяти лет, является лонгитюдная оценка динамики изменений по всем видам адаптивного поведения, сопоставленная с данными исследования методом “поперечных срезов” [2, 3, 27, 28].

При оценке динамики отдельных показателей контроля поведения, копинг-стратегий и психо-

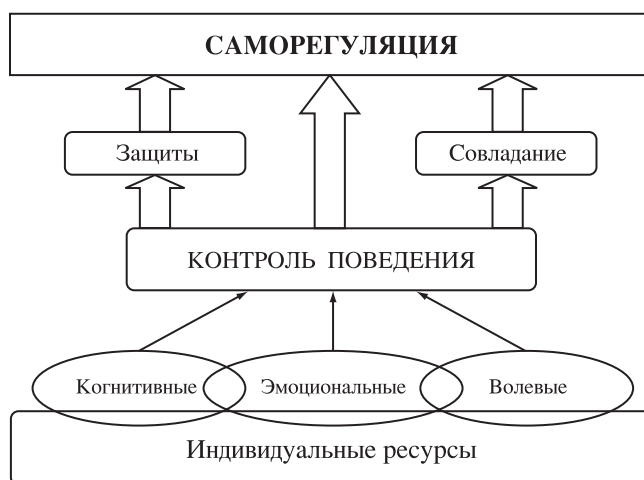

Рис. Схема структуры психологического защитного поведения.

логических защит в ходе сравнения данных лонгитюдного исследования и “поперечных срезов” установлена принципиальная когерентность полученных результатов. Контроль поведения является более устойчивой структурой в подростковом и раннем юношеском возрасте по сравнению с совладающим поведением и психологическими защитами. При этом наиболее динамичной составляющей контроля поведения является когнитивный контроль, а наиболее стабильной – волевой контроль.

Совладающее поведение, контроль поведения и психологические защиты являются тесно связанными конструктами в едином механизме саморегуляции. Динамика стилей совладания в большей степени связана с динамикой контроля поведения и в меньшей – с динамикой психологических защит. Процесс становления стилей совладания происходит на уровне встраивания копинг-стратегий в механизм саморегуляции. Повышение значения показателей регуляции поведения, в частности контроля поведения и копинг-стратегий, сопряжено со снижением уровня ситуативной тревожности и ростом показателей приспособленности подростков. Контроль поведения – более стабильная характеристика, являющаяся основой для продуктивного копинга и эффективной приспособляемости.

Таким образом, получены серьезные аргументы в пользу адекватности выделения контроля поведения как основы саморегуляции субъекта, его динамики в период взросления, его принципиальной связи с другими индивидуальными психологическими механизмами защитного поведения.

Одно из направлений работ по верификации концепции контроля поведения как субъектной регуляции – это его изучение в трудных жизненных ситуациях и выявление эффективности. В исследованиях Ю.В. Ковалевой [17, 18, 28] изучение индивидуальной регуляции было дополнено изучением групповой регуляции поведения. Ситуацией, в которой проводились исследования, оставалась беременность: с одной стороны, как модель трудной жизненной ситуации в жизни женщины и семьи в целом, а с другой – как ситуация формирования системы “мать–дитя”, в которой закладываются базовые основы субъектности будущего ребенка. Прослеживалась преемственность паттернов регуляции поведения матерей (до и после родов) и новорожденных. Связь между материнской и детской регуляцией представляет собой континуум, согласно которому ребенок на каждом из этапов собственного развития соотносит свое поведение с материнскими ответами,

получая непрерывный опыт взаимодействия с матерью. Такая характеристика, как контроль поведения, представляет собой интегральный показатель, отражающий состояние материнской среды в пренатальный период. Полноценный анализ ситуации, понимание условий достижения близких и дальних целей, продуманная система шагов и гибкий “репертуар” операций (когнитивный контроль), распознавание собственных состояний и умение управлять ими или компенсировать их, чувствительность к сигналам плода и готовность к адекватному эмоциональному ответу (эмоциональная регуляция), способность к распределению нагрузки и ответственности (волевая регуляция) представляют собой ресурс материнского поведения, адекватного потребностям ребенка.

Регуляция поведения отца также вносит свой вклад в развитие ребенка, начиная с пренатального периода. Роль отца заключается в реализации и поддержке семейных стратегий, соответствующих задачам вынашивания.

Проведено многостороннее изучение связей между различными характеристиками супругов в пренатальный период. Семейный регуляторный ресурс в пренатальный период представляет систему, в которой происходит перераспределение ресурса между сильными и слабыми сторонами регуляции поведения супругов. Такой компенсаторный процесс отражает реализацию необходимого поведения за счет использования возможностей партнера по ситуации [18].

Суммируя экспериментальные данные, направленные на изучение контроля поведения, следует указать на наличие эмпирических аргументов в представлении о контроле поведения как индивидуальном, интегративном ресурсе, который обнаруживается с момента рождения, формируется в системе “мать–дитя”, полидетерминирован генетико-средовыми влияниями и индивидуален с раннего возраста, проявляет устойчивость и стабильность в подростковом и юношеском возрасте и тесно связан с совладающим поведением и психологическими защитами.

Роль субъективного восприятия семьи и ее структуры (полная или неполная) в становлении психологических характеристик личности подростков изучается в работе К.Б. Зуева [15]. Было показано, что как структура семьи, так и субъективное восприятие стратегий семейного воспитания оказываются сопряженными с личностными индивидуальными характеристиками подростков. Следовательно, не только внешние семейные факторы (полнота семейной структуры), но и субъективные представления о семейных воз-

действиях вносят свой вклад в индивидуальность подростка, в чем проявляется его субъектность и саморазвитие.

Экспериментальная проверка концепции психологии человеческого бытия. Предметом исследований в течение последних лет было понимание людьми ненормативных критических событий человеческого бытия. Основной замысел состоял в том, чтобы осуществить анализ событий, имеющих отношение ко всему периоду онтогенеза человека – от рождения до смерти: понимание моральной допустимости аборт, террористической угрозы, эвтаназии. Самые значимые результаты представлены ниже.

Понимание мужчинами и женщинами моральной допустимости абортов. На выборке москвичей и жителей Смоленска анализировались психологические и социально-демографические факторы, от которых зависит понимание-принятие или понимание-отвержение моральной допустимости абортов: пол, возраст, регион проживания, личностные характеристики, представления о начале жизни, наличие или отсутствие детей, индивидуальная религиозность. В эмпирическом исследовании, проведенном на 306 испытуемых, изучались связи между мировоззренческими установками, личностными свойствами людей и психологическими особенностями понимания проблемы: что именно испытуемые понимают под словом “аборт”, как оценивают совершающих их женщин и как относятся к процедуре прерывания беременности. Показано, что женщины считают аборт оправданным в большем количестве ситуаций, чем мужчины; чем люди старше, тем чаще оценивают аборт как право женщины и реже рассматривают его как преступление. Испытуемые с высоким уровнем макиавеллизма считают аборты допустимыми в большем числе ситуаций, чем испытуемые, у которых эта характеристика личности выражена меньше. Верующие склонны отвергать идею аборта в большей степени, чем испытуемые с низкими оценками своей религиозности [12].

Понимание и переживание москвичами террористической угрозы. Проведен сравнительный анализ психологических и социально-демографических факторов, от которых зависит понимание и переживание террористической угрозы москвичами, до и после взрывов на станциях метро “Лубянка” и “Парк культуры” 29 марта 2010 г. В эмпирическом исследовании, проведенном на двух группах испытуемых (212 и 222 чел.), показано: 1) сразу после взрывов индексы переживания террористической угрозы повысились; наиболее

высокий он у взрослых, женского пола, а наименее – у юношей; 2) юноши и девушки лучше справились с психологическими последствиями терактов, чем мужчины и женщины; 3) опасность стать жертвой теракта сильнее переживают не те, кто узнал о взрывах в метро из СМИ, а либо те, кто сам оказался свидетелем трагедии, либо их родственники или знакомые; 4) до взрывов понимание испытуемыми террористической угрозы было сфокусировано на эмоционально-иррациональных сторонах терактов, их неизбежности и трагических последствиях; после взрывов наблюдалось больше рациональных попыток осмысления современного терроризма, когнитивного понимания, репрезентации и антиципации осознаваемого уровня реальности угрозы [13].

Понимание и переживание террористической угрозы жителями Саранска и Смоленска. Проанализированы психологические и социально-демографические факторы, от которых зависит понимание и переживание террористической угрозы. В эмпирическом исследовании, проведенном на 698 жителей Саранска и Смоленска, показано: 1) у женщин и молодых испытуемых индексы переживания террористической угрозы выше, чем у мужчин и взрослых; 2) предикторами общего индекса переживания являются личностная тревожность, макиавеллизм и способность контролировать ситуацию; 3) понимание террористической угрозы тревожными испытуемыми сфокусировано на эмоционально-иррациональных сторонах терактов; 4) макиавеллисты понимают теракты как универсальные манипулятивные способы решения задач, достижения целей; 5) испытуемые с высокой способностью к контролю поведения подчеркивают запланированность терактов и целенаправленность действий причастных к ним людей [14].

Эвтаназия: как ее понимают россияне (на примере жителей Смоленска и Самары). Проанализированы связи между мировоззренческими установками, личностными свойствами людей и психологическими особенностями понимания ими дилемм, описывающих эвтаназию. В исследовании показано, что люди, верящие в Бога, в меньшей степени согласны с эвтаназией, чем неверующие. Обосновано также, что испытуемые с высоким уровнем макиавеллизма личности и низкими показателями осмысленности жизни в большей степени принимают эвтаназию, чем субъекты с низким уровнем макиавеллизма и высокими оценками по методике смысловых ориентаций [10].

Таким образом, в кратком изложении экспериментальных исследований мы видим, что они покрывают широкое поле задач и ситуаций, принципиально важных для проверки гипотетических предположений системно-субъектного подхода и психологии человеческого бытия. Это дает основание говорить о продвижениях в развитии психологии субъекта, не только теоретико-гипотетических, а конкретно-эмпирических. Хотелось бы подчеркнуть, что в обращении в работах лаборатории к внутреннему миру, опосредующему бытие, к поведению человека проявляется принципиальная методологическая новизна, характерная для нового этапа развития науки, развития познания. Внутренний мир принадлежит субъекту, осуществляющему выбор, наделяющий ценностями и смыслами мир вещей и людей. Именно обращение к категории субъекта, развитие которого прослеживается в лаборатории от рождения до старости, становится ключевой приметой современной психологической науки.

В заключение данной обобщающей статьи, содержащей краткие итоги деятельности лаборатории психологии развития за последние пять лет, нельзя не указать на формальные показатели продуктивности работы. Лаборатория выпустила четыре монографии (*Сергиенко Е.А.* Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М.: Институт психологии РАН, 2006. 464 с.; *Знаков В.В.* Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. М.: Институт психологии РАН, 2007. 479 с.; *Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А.* Модель психического в онтогенезе человека. М.: Институт психологии РАН, 2009. 431 с.; *Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ковалева Ю.В.* Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Институт психологии РАН, 2010. 355 с.). Кроме монографий, подготовлены восемь коллективных трудов и сборников статей, среди которых коллективные труды: “Феномен и категория зрелости” (2007); “Совладающее поведение: современное состояние и перспективы” (2008); “Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А.В. Брушлинского” (2008); “Субъектный подход в психологии” (2009); “Психология субъекта и психология человеческого бытия” (2010). Лаборатория также выпустила с 2006 по 2010 гг. пять выпусков в серии “Психологические исследования. Труды молодых ученых”, в которых опубликованы статьи начинающих ученых. За пять лет сотрудники лаборатории опубликовали 108 научных статей в научных журналах и сборниках.

В течение трех лет идет работа над русскоязычной адаптацией теста Дж. Мэйера, П. Сэловея, Д. Карузо “Эмоциональный интеллект” (*MSCEIT. V. 2.0*), которая потребовала не только интенсивного сбора экспериментальных данных на большой выборке, но и проведения сравнительных исследований с другими тестами на эмоциональный интеллект. Данная работа была проведена автором совместно с И.И. Ветровой. Результаты работы были опубликованы в виде статей и методического пособия [26, 29].

Небольшой численный состав лаборатории (8 чел.) обладает высоким научным потенциалом и особенностями коллективного субъекта, нацеленного на совместную дальнейшую плодотворную работу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта и его деятельности // Современная психология. Справочное руководство / Под ред. В.Н. Дружинина. М.: Инфра-М, 1999. С. 330–346.
2. *Ветрова И.И.* Развитие регуляции поведения в подростковом возрасте: соотношение стратегий совладания, контроля поведения и психологических защит // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 339. С. 135–138.
3. *Ветрова И.И.* Контроль поведения, совладающее поведение и психологические защиты в аспекте эффективности в подростковом возрасте // Психология совладающего поведения: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Кострома, 23–25 сент. 2010 г.: В 2 т. Т. 1 / Отв. ред.: Т.Л. Крюкова, М.В. Сапоровская, С.А. Хазова. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. С. 196–198.
4. *Виленская Г.А.* Выбор ситуативных стратегий контроля поведения в раннем возрасте: возрастная динамика и механизмы // Ребенок в современном обществе / Под ред. Л.Ф. Обухова, Е.Г. Юдиной. М.: МГППУ, 2007. С. 101–113.
5. *Виленская Г.А.* Родительское поведение в раннем возрасте как фактор развития контроля поведения // Вестник РГНФ. 2011. № 1. С. 25–37.
6. *Знаков В.В.* Психология человеческого бытия как новая отрасль знания // Психология личности. Учебное пособие / Под ред. проф. П.Н. Ермакова, проф. В.А. Лабунской. М.: Эксмо, 2007. С. 106–132.
7. *Знаков В.В.* Научный анализ человеческого бытия в трудах С.Л. Рубинштейна и современной психологии // Психология человека в современном мире. Т. 3. Психология развития и акмеология. Экзистенциальные проблемы в трудах С.Л. Рубинштейна и в современной психологии. Рубинштейновские

- традиции исследования и экспериментатики (Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 5–16 октября 2009 г.) / Отв. ред.: А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, В.В. Знаков, И.О. Александров. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 260–269.
8. Знаков В.В. Три традиции психологических исследований – три типа понимания // Вопросы психологии. 2009. № 4. С. 14–23.
 9. Знаков В.В. Экзистенциальный опыт субъекта как проблема психологии человеческого бытия // Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 211–225.
 10. Знаков В.В. Активная и пассивная эвтаназия: как ее понимают россияне (на примере жителей Смоленска и Самары) // Вестник РГНФ. 2009. № 3 (56). С. 168–175.
 11. Знаков В.В. Психология человеческого бытия: проблемы и перспективы // Психология субъекта и психология человеческого бытия: монография / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010. С. 252–273.
 12. Знаков В.В. Понимание мужчинами и женщинами моральной допустимости аборт // Вопросы психологии. 2010. № 2. С. 90–100.
 13. Знаков В.В. Понимание и переживание москвичами террористической угрозы // Вопросы психологии. 2010. № 4. С. 64–74.
 14. Знаков В.В., Турок Е.М. Понимание и переживание террористической угрозы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2010. № 1. С. 58–69.
 15. Зуев К.Б., Ветрова И.И. Формальный и психологический семейные факторы защитных механизмов подростков // Психология XXI в.: Материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых “Психология XXI века”. 22–24 апреля 2010 г. Санкт-Петербург / Под науч. ред. О.Ю. Щелковой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. С. 119–121.
 16. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011.
 17. Ковалева Ю.В. Изучение семейной регуляции поведения с позиций психологии коллективного субъекта // Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 466–482.
 18. Ковалева Ю.В. Отцовский фактор как самостоятельный фактор пренатального развития // 4-я Международная научная конференция “Психологические проблемы современной семьи”. 21–23 октября 2009 г. Тезисы конференции / Под ред. Е.И. Захаровой, О.А. Карабановой. М., 2009. С. 285–289.
 19. Колесникова Н.И., Сергиенко Е.А. Личностные аспекты понимания психического у взрослых // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. N 6(14). URL: <http://psystudy.ru.0421000116/0056>.
 20. Лебедева Е.И. Развитие интеллекта и понимания ментального и физического мира у детей-аутистов // Психология XXI века: Материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых “Психология XXI века”. 22–24 апреля 2010 г. Санкт-Петербург / Под. науч. ред. О.Ю. Щелковой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. С. 151–153.
 21. Никитина Е.А. Представления о соматическом и психологическом здоровье при оценке привлекательности лиц // Актуальные проблемы психологических исследований / Под ред. А.Л. Журавлева М.: Институт психологии РАН, 2011. С. 145–158.
 22. Рачугина А.Ю. Коммуникативные возможности детей на разных уровнях развития модели психического // Психологические исследования. Труды молодых ученых / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2009. Вып. 4. С. 162–172.
 23. Сергиенко Е.А. От когнитивной психологии к психологии субъекта // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 17–27.
 24. Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А. Модель психического в онтогенезе человека. М.: Институт психологии РАН, 2009. 431 с.
 25. Сергиенко Е.А. Континуально-генетический принцип становления субъекта // Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 50–67.
 26. Сергиенко Е.А., Ветрова И.И., Волочков А.А., Попов А.Ю. Адаптация теста Дж. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо “Эмоциональный интеллект” на русскоязычной выборке // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 1. С. 121–139.
 27. Сергиенко Е.А. Контроль поведения и защитные механизмы // Психология стресса и совладающего поведения в современном российском обществе. Материалы II Международной научно-практической конференции. Кострома, 23–25 сентября 2010 г. В 2-х тт. / Отв. ред. Т.Л. Крюкова, М.В. Сапорова, С.А. Хазова. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. Т. 1. С. 65–69.
 28. Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ковалева Ю.В. Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Институт психологии РАН, 2010.
 29. Сергиенко Е.А., Ветрова И.И. Тест Дж. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо “Эмоциональный интел-

- лект" (MSCEIT v. 2.0.). М.: Институт психологии РАН, 2010.
30. Сергиенко Е.А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психол. журн. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.
 31. Сергиенко Е.А., Таланова Н.Н. Понимание рекламы в связи с развитием модели психического // Актуальные проблемы психологических исследований / Под ред. А.Л. Журавлева. М.: Институт психологии РАН, 2011. С. 37–62.
 32. Сергиенко Е.А. Субъективный возраст человека: системно-субъектный и метакогнитивный подходы // Актуальные проблемы теоретической и прикладной психологии: традиции и перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ярославль, 19–21 мая 2011 г. В 3 ч. / Отв. ред. А.В. Карпов. Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2011. Ч. 1. С. 412–415.
 33. Хачатурова А.В., Сергиенко Е.А. Становление модели психического в условиях семейной депривации // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 2. С. 161–172.
 34. Холодная М.А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. Учебное пособие. М.: ПерСэ, 2002.
 35. Nikitina E. Estimations of Health and Personal Traits Attribution to Attractive and Unattractive Face Stimuli. Materials of the 5th International Conference on Interdisciplinary Social Sciences. <http://i10.cgpublisher.com/proposals/1412>

DEVELOPMENT OF PSYCHOLOGY OF SUBJECT AND SUBJECT OF DEVELOPMENT

E. A. Sergienko

*Sc.D. (psychology), professor, head of laboratory of psychology of development,
the Establishment of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology RAS, Moscow*

The results of laboratory of psychology of development activity for the recent five years are summarized. Theoretical investigations of the laboratory: system-subject approach and psychology of human being as variants of subject's paradigm in psychology - are analyzed. Experimental researches are generalized from a standpoint of verification and correction of theoretical approaches. Correspondence of elaborating in the laboratory theoretical approaches to post neo classical stage in the development of psychology is discussed. The article is devoted to anniversary of Institute of Psychology RAS.

Key words: subject, personality, system-subject approach, psychology of human being, functions of subject, levels of development of subjectivity, understanding, control of behavior.